

ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ОБЪЕКТИВЕ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ

© 2022 г.

О.М. Ростовская

Витебский государственный университет
им. П. М. Машерова
Rosolg@gmail.com

Статья посвящена исследованию феномена исторической памяти. В качестве основной проблемы констатируется наличие существенной разницы в понимании категории исторической памяти философами и историками. Соответственно, цель работы состоит в определении специфических особенностей в интерпретации исторической памяти философией и историей. Материалом для статьи послужили труды философов и историков, в которых представлены разные истолкования феномена исторической памяти. К числу основных используемых методов относятся: системный, исторический, герменевтический, диалектический методы. В результате проведенного исследования выявлено, что философия ориентирована на постижение природы и механизма памяти как феномена, в сущности, исторического, а история – на реконструирование (конструирование) исторического контента прошлого; философия выполняет гносеологические и методологические задачи, а история – социально ориентированные, политико-идеологические.

Ключевые слова: память, феномен исторической памяти, философия, история.

Изначально и на протяжении длительного времени феномен памяти как объект познания находился в компетенции философии. Память в качестве сугубо философской категории выступает в концепциях мыслителей Античности, Средневековья и Нового времени вплоть до выделения психологии в самостоятельную отрасль знания, где память стала предметом многочисленных теоретико-методологических и методико-эмпирических исследований. В конце XIX–XX вв. философские интерпретации памяти продолжили А. Бергсон, Э. Гуссерль, П. Рикёр, плеяда русских философов (С. Н. Трубецкой, Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин и др.).

На протяжении прошлого столетия наряду с философским и психологическим ракурсами познания феномена памяти актуализировалось историческое направление в зарубежной науке (Я. Ассман, П. Нора, А. Хьюсен, М. А. Барг, Л. П. Репина, И. М. Савельева, Ю. А. Арнауто-

ва, Ж. Т. Тощенко и др.) и в трудах белорусских историков и авторов социальных исследований городской инфраструктуры (В. Н. Сидорцов, З. В. Шибeko, А. Смоленчук, О. А. Матусевич, А. Ластовский и др.).

В философии и исторической науке феномен исторической памяти понимается и интерпретируется по-разному вследствие целого ряда причин и факторов. Цель данной работы состоит в том, чтобы определить и обозначить специфические особенности философского и исторического подходов к исследованию и истолкованию исторической памяти.

В истории философской мысли следует выделить несколько ракурсов познания и интерпретации феномена памяти.

Хронологически первый ракурс мнемического анализа связан с пониманием памяти в качестве перцептивно обусловленного свойства индивидуального психического состояния (Платон, Аристотель, Плотин, Августин, Дж. Локк, Т. Гоббс, А. Бергсон, М. Хальбвасс).

Уже Платон указывал на чувственную природу памяти. В диалоге «Федон» припоминание, или воспоминание, память определяется в качестве состояния души, обусловленного чувственным восприятием и «примысливанием» чего-либо, принадлежащего к иному знанию, что можно трактовать как воображение и мышление; познание забвенного и узнавание чего-либо или кого-либо, обусловленное возникновением в уме его образа. Рассуждения Платона позволяют выявить связи, структурирующие память, двигаясь от исходного – от воспоминания – к восприятию и ощущению:

- припоминанию (воспоминанию) предшествует забвение, которое интерпретируется в качестве утраты знания;
- забвению предшествует наличие знания в душе;
- наличие знания предшествует его приобретение и запоминание;
- запоминание обусловлено ощущением и восприятием. Основопологающей является роль знания в контексте выше названных трансформаций, ведь для того, чтобы что-либо припомнить, необходимо знать это заранее [1, с. 26–30].

Согласно Аристотелю, процесс вспоминания опосредован взаимосвязями с ощущением и восприятием, волей, воображением и мышлением [2, с. 161–165].

Плотин в работе «Об ощущении и памяти» рассматривал память в качестве способности или силы души, которая ничего не приняв в себя, тем не менее, воспринимает то, чем не обладает, и указывал на обусловленность памяти восприятием [3].

У Аврелия Августина память есть не что иное как «желудок души», пищей для которого являются разные чувства (страсть, радость, страх и

печаль), а вернее, их названия, соответствующие образам, «запечатлённым телесными чувствами», а также душевные состояния и продукты мыслительной деятельности, сами мысли и знания [4, с. 138].

Т. Гоббс обращал внимание на перцептивную природу памяти и образов воспоминания, указывая на образный характер памяти, обусловленный функцией сохранения образов или идей всего воспринятого органами чувств [5, с. 13; 6, с. 518–519].

У Дж. Локка память предстает «арсеналом» человеческих идей, способностью и силой души, посредством которой осуществляется сохранение и воспроизведение идей – продуктов восприятия и мышления [7, с. 125–130].

Согласно А. Бергсону, всякое восприятие причастно к памяти. В метафорическом выражении воспоминание предстаёт движением, запечатлевшим свободу духа, являющегося когда-то почерпнутое им в материи восприятие [8, с. 654–668].

М. Хальбваск, анализируя механизм памяти, акцентировал внимание на процессах восприятия и воспоминания. В понимании автора восприятие не является чисто внешним наблюдением, поскольку обуславливается и сопровождается «памятью о словах и понятиях», соответственно, нет восприятия без воспоминания, а также воспоминания без восприятия, как и воспоминаний, присущих только индивидуальной памяти, поскольку индивидуальное восприятие, сопровождаемое воспоминанием, всегда пересекается с восприятием социальным [9, с. 321].

Второй аспект, на который изначально обратили внимание исследователи природы индивидуальной памяти, – это её органическая связь с феноменом времени (Платон, Аристотель, Плотин, Августин, А. Бэн, Э. Геринг, П. П. Блонский).

В трактате «О памяти и припоминании» Аристотель интерпретировал память в качестве приобретённого свойства или состояния, опосредованного ощущением времени и предполагающим осознание себя в качестве помнящего [2, с. 161–165].

Плотин указывал на обусловленность памяти не только восприятием, но и временем [3].

Аврелий Августин акцентировал внимание на фундаментальной связи памяти и времени [4, с. 138; 170–185].

У Т. Гоббса память, обуславливая потенциальное существование прошлого, также проецирует возможность будущего: воспоминание вызывает ожидание того, что должно случиться в перспективе, и в этом смысле является предвидением будущего [6, с. 522–523].

Третий аспект философского исследования памяти связан с её осмыслением в контексте феноменологии сознания и бессознательного

(Г. В. Лейбниц, А. Бергсон, Э. Дюркгейм, Э. Гуссерль), индивидуально и надиндивидуального.

Так, например, Э. Дюркгейм, полагая, что границы сознания не совпадают с границами психической деятельности, выводил память и другие психические процессы в социальное пространство и сферу бессознательного [10].

В русле гуссерлевского феноменологического анализа память есть не что иное, как воспроизведение – «свободное пробегание», событие внутреннего сознания, имеющее своё актуальное Теперь, свои модусы протекания [11].

Н.А. Бердяев в предисловии к работе «Самопознание. Опыт философской автобиографии» называл память воскрешающей, самой таинственной силой в человеке, устремлённой к победе над смертью. В целом, бердяевская трактовка отсылает к пониманию памяти в качестве феномена сферы сознательного и бессознательного, а также имеющего сверхиндивидуальную природу, опосредованную родовым началом и принципом соборности [12, с. 7–10].

С.Л. Франк рассматривал память в качестве стороны сознания и, прежде всего, наиболее характерного выражения единства личного сознания, а в целом, как совокупность разнообразных явлений и черт душевной жизни и сознания, подчеркивал сверхвременность памяти, полагая, что именно благодаря ей человек способен, будучи в настоящем, обладая прошлым и возвышаясь над прошлым и временем, находиться в вечности [13, с. 572–576].

Б.П. Вышеславцев говорил о стяжённом всеединстве сознания и подсознания и о потенциально-бесконечной памяти, благодаря которой душа способна преодолеть смертность и конечность [14, с. 824].

В историософии Л. П. Карсавина мнемический процесс пронизывает процесс исторический. Памяти отводится роль надындивидуальной связующей силы, определяющей преемственность, взаимопроникновение исторических индивидуальностей, образующих реальное бытие всеединного [15].

Четвертый ракурс мнемического исследования характеризуется представлением памяти в качестве индивидуального и социального феномена (М. Хальбвакс, С. Н. Трубецкой). Ведущая роль в этом направлении принадлежит М. Хальбваксу. В своих работах он интерпретировал память широко: в качестве коллективной функции; рамки, образуемой понятиями-ориентирами, отнесёнными к прошлому; «деятельности рассудка» в настоящем; социальной мысли. Индивидуальную память М. Хальбвакс считал частью групповой памяти, объясняя социальной обусловленностью воспоминаний, поскольку человек выступает одно-

временно в роли общественного агента и члена разных социальных групп и его индивидуальная память опирается на рамки коллективной [9, с. 337–343]. В то же время автор отмечал, что именно наличие личных воспоминаний создаёт основу, на которую накладываются воспоминания коллективные [16]. Таким образом, индивидуальное и коллективное (и социальное) у М. Хальбвакса отображали диалектическое единство как важнейшую характеристику памяти.

Последний ракурс философского анализа феномена памяти подготовил основу для активного «увлечения» проблемой исторической памяти историками, социологами, политологами и выхода данной темы на арену политико-идеологического дискурса.

Историки акцентируют внимание на коллективном, социальном, культурном, национальном проявлениях феномена памяти в их соотношении с концептами прошлого, истории, идентичности, мемориализации, репрезентативности прошлого и т.п. Концептуальную, методологическую основу таких стратегий понимания памяти среди историков заложили П. Нора и Я. Ассман.

У П. Нора память – это коллективная, национальная память, конструируемая историками с помощью т.н. «мест памяти», которые призваны выступать в роли мест мемориализации и представляют собой «всякое значимое единство материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [17, с. 79].

Я. Ассман в своих мнемических исследованиях обозначил ряд категорий – «фигуры воспоминания», «модусы воспоминания», «опции культурной памяти» или «политические стратегии памяти» [18, с. 38–73], определивших ракурс в методологии исторической памяти как социокультурного феномена – познании его природы, механизма, внешних условий и факторов функционирования.

Таким образом, история философии памяти и историко-методологические исследования феномена памяти сформировали для исторических наук парадигмальное основание. Они в значительной степени задали курс на истолкование исторической памяти как социальной памяти и канала передачи социального опыта, совокупности представлений о прошлом и средства идентификации в контексте социальной оценки. Именно эти ракурсы в понимании сущности феномена исторической памяти представлены у российских и белорусских исследователей в области социальных наук, в частности истории: Л.П. Репиной, И.М. Савельевой, В.Н. Сидорцова, А. Смоленчука, А. Ластовского, О.А. Матусевич и др.

В настоящее время философский и исторический подходы к познанию феномена исторической памяти сосуществуют в едином интеллектуальном пространстве. При этом каждому присуще наличие специфических особенностей. Философия исследует, прежде всего, природу, сущность, механизм памяти и стремится ответить на вопросы: Что есть память? Кто субъект и объект памяти? Как она функционирует? Память в своей сущности предстаёт феноменом историческим – т.е. соотносённым с прошлым, прошедшими событиями и характеризующимся динамикой – будь то индивидуальная или коллективная, сознательная или бессознательная память и т.д. Категория памяти в контексте проблемы исторической памяти является ключевой и соотносится с категориями прошлого, истории и др. Историки, главным образом, фиксируются на содержании памяти и ставят вопрос: О чём память? Для исторической науки важен, прежде всего, событийный ряд, локусы памяти. Здесь ключевые слова «история» и «прошлое». Для историка наиболее значимо содержание исторической памяти, локализованное во времени и пространстве. Философия исследует феномен исторической памяти с онтологической, гносеологической, методологической позиции, тогда как историческая наука переводит его в социально-политический и политико-идеологический контекст.

Ввиду многоплановости и многозначности, детерминированности и популяризованности феномена исторической памяти вследствие превращения его в продукт общества массового производства и потребления, стоит отметить значительный потенциал комплексного подхода. Именно комплексный, рационально-критический подход позволит как в научной, так и в социальной реальности интерпретировать, понимать, воссоздавать, формировать историческую память как отображение исторической действительности.

Список литературы

1. Платон. Федон / Платон // Собр. соч.: в 4 т.: пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М., 1993. Т. 2. С. 7–80.
2. Аристотель. О памяти и припоминании / Аристотель // *Déjà vu*: энцикл. культур [Электронный ресурс]. – URL: http://ec-dejavu.ru/m/Memory_Greek.html#aristotle (дата обращения: 13.01.2021).
3. Плотин. Об ощущении и памяти / Плотин // *Déjà vu*: энцикл. культур [Электронный ресурс]. – URL: http://ec-dejavu.ru/m/Memory_Greek.html (дата обращения: 13.01.2021).
4. Августин Аврелий. Исповедь / Августин Аврелий // Августин Аврелий. Исповедь. История моих бедствий / П. Абеляр. М., 1992. С. 8–222.

5. Гоббс Т. Левиафан: перевод / Т. Гоббс. М. : Мысль, 2001. 478 с.
6. Гоббс Т. Человеческая природа / Т. Гоббс // Сочинения : в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 507–573.
7. Локк Д. Опыт о человеческом разуме / Д. Локк; пер. Л.Н. Савина. М.: Типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнерёв и К, 1898. XVI, 736 с.
8. Бергсон А. Материя и память / А. Бергсон // Творческая эволюция; Материя и память / Пер. с фр. Минск, 1999. С. 414–668.
9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во: А. Курилкин, 2007. 348 с.
10. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные / Э. Дюркгейм // Социология: её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М., 1995. С. 208–243.
11. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени: Собрание сочинений / Э. Гуссерль; под общ. ред. и с вступ. ст., пер. В.И. Молчанова. М.: Логос: Гнозис, 1994. Т. 1. XIV, 162 с.
12. Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. Париж: YMCA-press, 1949. 377 с.
13. Франк С.Л. Душа человека / С.Л. Франк // Предмет знания об основах и пределах отвлечённого знания; Душа человека: опыт введения в философскую психологию. СПб., 1995. С. 419–632.
14. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии / Б.П. Вышеславцев // Кризис индустриальной культуры: избр. соч. М., 2006. С. 617–830.
15. Карсавин Л. Философия истории / Л. Карсавин. М. : АСТ : Хранитель, 2007. 510 с.
16. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкоснов. запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 2/3 [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 25.03.2020).
17. Нора П. Как писать историю Франции? // Франция-память / П. Нора [и др.]; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999. С. 66–94.
18. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 363 с.

THE PHENOMENON OF HISTORICAL MEMORY IN THE LENS OF PHILOSOPHY AND HISTORY

O.M. Rostovskaya

Vitebsk State University named after P.M. Mashero

The article is devoted to the study of the phenomenon of historical memory. The main problem is the presence of a significant difference in the understanding of the category of historical memory by philosophers and historians. Accordingly, the purpose of the work is to identify specific features in the interpretation of historical

memory by philosophy and history. The material for the article was the works of philosophers and historians, which present different interpretations of the phenomenon of historical memory. The main methods used include: systemic, historical, hermeneutic, dialectical methods. As a result of the study, the essential difference in philosophical and historical approaches was stated. Philosophy is focused on understanding the nature and mechanism of memory as a phenomenon, in essence, historical, and history is focused on reconstructing (constructing) historical content of the past; philosophy performs epistemological and methodological tasks, and history - socially oriented, politico-ideological.

Keywords: memory, the phenomenon of historical memory, philosophy, history.